

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Э. ЗИБУЦАЙТЕ

Проблема эмоциональности является одним из вопросов, которому в теоретическом плане уделено сравнительно мало внимания в языкознании. В основном весь материал сводится к кратким указаниям в стилистиках, небольшим разделам специальных лингвистических работ и к некоторым немногочисленным трудам, посвященным этому вопросу.

Прежде чем изложить характерные черты эмоциональной окраски языковых элементов, необходимо уточнить понимание самого термина, так как в лингвистической литературе не всегда уясняется разница между эмоциональностью и экспрессивностью. Некоторые исследователи¹ отождествляют эти термины. Другие² видят в экспрессивности лишь усилительную³ функцию, когда предполагается сильное чувство и поэтому прибегают к двойному термину „экспрессивно-эмоциональный“, „эмоционально-экспрессивный“ либо оценочно-выразительный, что свидетельствует о том, что указанные термины все же смешиваются. Е. Ризель⁴ рассматривает экспрессивность как составную часть эмоциональности, однако не останавливается более подробно на определении данных терминов.

Между тем не следует отождествлять эмоциональность с экспрессивностью. Экспрессивность является особым приемом выразительности и образности. Экспрессия — это выразительность, придающая речи больше наглядности, образности. Она делает речь более яркой, сочной, сильно действующей. Экспрессивность касается скорее стиля писателя (писатель для воплощения своих художественных замыслов, для выражения своей идеологии использует наиболее ценные выразительные средства языка), стиля художественного произведения и его жанров в отличие от стиля языка.

¹ J. Marouzeau, *Précis de stylistique française*, Paris, 1955, p. 81, 104, 110.

² М. К. Морен, Н. Н. Тетеревникова, *Стилистика современного французского языка*, М., 1960, стр. 190—191; Ю. Степанов, *Французская стилистика*, М., 1965, стр. 109—111; Ф. Г. Пиотровский, *Очерки по стилистике французского языка*, Л., 1960, стр. 23.

³ Можно, безусловно, предположить, что экспрессия обладает усилительной функцией, но нельзя ее сводить только лишь к этой функции.

⁴ E. Riesel, *Stilistik der deutschen Sprache*, Moskau, 1963, p. 155—165.

С экспрессивной целью используются особенно часто образные фразеологические обороты. Одной из языковых закономерностей является тенденция к образному выражению. Образ является элементарной формой выражения мысли, без которой язык не может обойтись⁵. „Образная речь“, как выражается Ш. Балли⁶, „должна быть отнесена к той или иной экспрессивной категории“.

В таком случае именно образность и обуславливает экспрессивность оборотов, чтобы придать речи больше живости.

Так, в обороте „mettre la charrue avant les bœufs“ (начать не с того конца, делать шиворот-навыворот) создается образ человека, сдирающего кожу с угля, начиная с хвоста, а не с головы, как это положено; оборот „mettre du baume sur la plaie“ (утешать) подразумевает благодаря лежащему в его основе образу, что действующее лицо смазывает рану бальзамом с целью утешить скорбящего, опечаленного человека.

Особенно ярко выступает экспрессивная сторона образных оборотов, когда они сопоставляются с соответствующими необразными.

Приведем некоторые обороты в контекстах:

Et une grande indignation s'emparait de toute la classe lorsqu'un copain, **pris la main dans le sac** en train de copier la version d'un autre, de passer un petit papier ou de traduire d'après une traduction, „se dégonflait“, ou, pris, mouchardait celui qui l'avait enseigné (P. Vaillant-Couturier. *Enfance*, 109).

Mais que vient-il de se produire? Le gouvernement américain **pris sur le fait**, c'est évidemment curieux, l'important toutefois est ailleurs (France Nouvelle, N760, 1960, 28).

Из примеров видно, что оборот „prendre qn. la main dans le sac“ (застать кого-л. на месте преступления) благодаря своему метафоричному образу („la main dans le sac“ — по ассоциации „рука в мешке, корзине“) придаёт высказыванию больше наглядности, особый колорит, сгущает краски всего контекста, делает его более живописным по сравнению с необразным оборотом „prendre qn. sur le fait“ (имеющим то же значение), характеризующимся своего рода тусклостью и бесцветностью⁷.

Таким образом, экспрессивность речи — это такие средства, которые делают речь выразительной, изобразительной, образной, воздействующей, впечатляющей⁸.

⁵ W. Schmidt, *Deutsche Sprachkunde*, Berlin 1959, p. 183—184: „Es steht wohl ausser Zweifel, dass die Bedeutungsentwicklung in vielen Fällen durch allgemeine sprachliche Gesetzmäßigkeit verursacht ist. Da ist zunächst die Tendenz zur Bildhaftigkeit des sprachlichen Ausdrucks zu nennen. Die bildhafte Ausdrucksweise ist eine elementare Denk- und Ausdrucksform, ohne die die Sprache nicht auskommen kann, die Verbildlichung ist ein Grundprinzip der sprachlichen Darstellung überhaupt.“

⁶ Ш. Балли, *Французская стилистика*, М., 1961, стр. 236.

⁷ Необразные обороты могут тоже отличаться определенной выразительностью, однако значительно более слабой.

⁸ Е. М. Галкина-Фёдорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, *Современный русский язык*, т. I, М., стр. 99.

Эмоциональная окраска, напротив — это способность словарной единицы передавать наше отношение к предмету речи, к собеседнику, к окружающей нас реальной действительности. Словарные единицы эмоционально насыщенные, в большинстве случаев не используются для раскрытия конкретных, существенных признаков явления, а для передачи известных переживаний, чувств говорящего лица, так как эмоциональный оттенок исходит из оценки самого говорящего.

Не подлежит сомнению, что экспрессивность может пронизывать эмоциональное. Поэтому экспрессивность значительно шире эмоциональности в языке.

Эмоциональность выражается особой эмоциональной лексикой⁹. Имеются, однако, весьма противоположные мнения в отношении того, что следует понимать под эмоциональной лексикой. Так, например, в учебнике А. М. Финкеля и Н. М. Баженова¹⁰ иллюстративным материалом берутся такие слова, как „любовь“, „ненависть“, „доброта“, „красивый“ и т. п., которые, называя различные чувства, не являются, однако, оценочными словами. Ничем не отличаются и примеры оценочных слов („выражающих оценку явлений с точки зрения говорящего или целой общественной группы“) у И. В. Арнольда¹¹, как „nice“ (красивый), „bad“ (плохой), „good“ (хороший).

Е. М. Галкина-Федорук¹² выделяет в эмоциональной лексике две группы. Один пласт эмоциональной лексики, как указывает автор, служит обозначением самих чувств, ощущений, настроений, как например, „злость“, „брезгливость“, „боязнь“, „доброта“, „любовь“ и т. п. Вторая группа слов не служит обозначением чувств, но используется как средство выражения оценки с эмоциональной стороны, т. е., „со стороны субъективного отношения говорящего или с точки зрения какой-либо группы людей“, как например „гадкий“, „добрый“, „злой“, „весёлый“, „любимый“ и т. п. Но и тут, несмотря на разделение эмоциональной лексики на две группы, все же остается неясным в чем их разница. Невольно встает вопрос о том, чем отличается, например, „злость“ от „злой“ или „доброта“ от „добрый“ с точки зрения эмоциональности.

Не лишено интереса в этой связи утверждение В. А. Звегинцева о том, что такие слова, как „смерть“, „грязь“, „подлость“ и т. п. выражают не

⁹ Следует отметить, что эмоциональность может выражаться не только лексически, но и другими языковыми средствами (аффиксами, интонацией, синтаксическими конструкциями и т. п.). Небезынтересно в этой связи привести пример из новеллы Мопассана, где восклицательное предложение способствует переплетанию иронии с приказанием: „Et puis je grimpe sur mon impériale, j'ouvre mon ombrelle et fouette cocher!“

В данной статье, однако, речь пойдет только о лексических их средствах, способствующих выражению эмоциональности.

¹⁰ А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Современный русский литературный язык, Киев, 1951, стр. 81—82. См. также, Травничек, Некоторые замечания о значении слова и понятия — „Вопросы языкознания“, 1956, № 1, стр. 75.

¹¹ И. В. Арнольд, Лексикология современного английского языка, М., 1959, стр. 93.

¹² Галкина-Фёдорук, указ. соч., стр. 97—98.

сами чувства и эмоции, а понятие о чувствах, „т. е. определенные логические категории, относящиеся к определенным психическим процессам“¹³.

Представляется целесообразным, как нам кажется, относить к эмоциональной лексике лишь оценочные слова и не включать слова, обозначающие чувства и настроения.

Наряду с вышеуказанной проблемой, обсуждается также вопрос в отношении того, следует ли включать эмоциональные элементы в лексическое значение слова. Так, например, Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов утверждают, что значение слова включает, помимо ряда элементов, и „социальную оценку обозначаемого, в том числе, следовательно, и те элементы эмоциональности, которые нами часто воспринимаются в плане индивидуально-психологической оценки“¹⁴. А. М. Финкель и Н. М. Баженов пишут, что „для одних слов эмоциональность заключена в самом их лексическом значении, другим она придается посредством использования соответствующих суффиксов. Одной из наиболее устойчивых групп является та, где некоторый оттенок чувства заключен в самом значении слова“¹⁵.

Наряду с мнением, утверждающим, что эмоциональная окраска является неотъемлемой частью лексического значения слова, существует другая, противоположная трактовка этого вопроса, доказывающая, что эмоциональные элементы не вносят никаких изменений в смысловую структуру слова. В. А. Звегинцев¹⁶ посвящает в своем труде о семасиологии целую главу разрешению данного вопроса в указанном плане. По мнению автора, эмоциональные „созначения“ не являются объективными в языковом плане явлениями, они находят свое выражение в том, что слова располагаются в том или ином стилистическом слое языка и проявляются в употреблении слова, не способствуя определению и уточнению значения слова.

В самом деле, эмоциональная окраска слова может быть связана с его принадлежностью к тому или иному функциональному стилю или же с его употреблением в необычном для него контексте. Тем не менее, эмоциональную окраску можно объяснить и лексическими свойствами или образностью языковой единицы. Указанные факторы позволяют наметить следующие виды эмоциональности:

I. Эмоциональность, обусловленная лексическими свойствами или образностью языковых единиц.

II. Эмоциональность, обусловленная функционально-стилевой разграниченностью языковых единиц.

III. Эмоциональность, обусловленная контекстуальным употреблением языковых единиц.

¹³ В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957, стр. 178.

¹⁴ Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языкознание, М., 1945, стр. 75; см. также Р. З. Гинзбург, Смысловая структура слова. — „Иностранные языки в школе“, 1957, № 5, стр. 87—90.

¹⁵ А. М. Финкель и Н. М. Баженов, указ. соч., стр. 81—82.

¹⁶ В. А. Звегинцев, указ. соч., стр. 167—187, см. также Е. Р. Курилович, Заметки о значении слова. — „Вопросы языкознания“, 1955, № 3, стр. 76.

Рассмотрение отдельных видов эмоциональности дает возможность определить, является ли эмоциональность постоянным элементом лексического значения слов и оборотов или объясняется только лишь их употреблением.

I. Эмоциональность, обусловленная лексическими свойствами или образностью языковых единиц

В данном случае имеется в виду эмоциональное содержание, заключенное в языковых единицах независимо от их употребления в речи.

В обороте „faire le trafic“ (торговать) заключен эмоциональный оттенок презрения, непочтительности, обусловленный его лексическими свойствами:

– Il y a en a parmi nous, qui font du trafic avec les armes...

– On ne peut pas accepter qu'il se fasse du trafic dans nos rangs. Songez à tout le mal que nous avons pour nous procurer un simple revolver (J. Laffitte. Rose-France, 45).

Приведенный пример говорит о том, что Роз Франс относится отрицательно к тому, что докеры, борцы сопротивления, продают оружие, торгуют, спекулируют им. Негативная оценка, окрашивающая оборот „faire le trafic“ и помогает выразить унижительное отношение говорящего к предмету речи.

Оборот „il n'a pas inventé la poudre“ (он порошу не выдумает) привносит посредством своего лексического содержания эмоциональный оттенок снисходительной иронии:

Elle regarda son visage où le temps avait accentué les insignifiances de la jeunesse. Elle se rappela ce que disaient les autres et qui l'avaient blessée: „c'est un brave type, mais il n'a pas inventé la poudre“ (Heures Claires).

Как уже было отмечено, наличие эмоциональности является особенно характерным для образных оборотов.

Так, довольно силен комично-оценочный оттенок в обороте „donner des coups d'épée dans l'eau“ (безрезультатно трудиться, напрасно пытаться что-л. сделать), с помощью которого говорящее лицо выражает насмешку к попытке „толочь воду в ступе“.

Указанная оценка явно ощущается в словах девушки, считающей, что сделанное ей замечание так же бесполезно, как толочь воду в ступе.

De temps en temps, Junon me frappait sur le bras avec son éventail et me soufflait dans l'oreille que j'étais ridicule; mais elle donnait là des coups d'épée dans l'eau et je m'en volais dans les bras de mes danseurs en songeant que si la valse n'est pas admise dans le ciel, ce n'est pas la peine d'y aller (J. de la Brète. Mon oncle et mon curé, 198).

Саркастически-неприязненно звучит оборот „promettre monts et merveilles“:

Pour les persuader (les ouvriers) il faut prendre un autre chemin et promettre monts et merveilles (France Nouvelle, N605, 6).

В данном случае очень ярко выступает негодование автора к тем лицам, которые с помощью нереальных обещаний обманывают рабочих.

Оборот „être dans de jolis (beaux) draps“ (находиться в затруднительном положении, попасть в переplet) выражает снисходительную иронию¹⁷, которая еще усиливается особым использованием прилагательного „joli (beau)“ со значением, противоположным его обычному значению¹⁸.

Ирония, заключенная в данном обороте, ощущается в примере, где автор желает описать отношение миллионера Ноэля Шудлера к своему сыну Франсуа. Оценке подвергаются планы, предложения и изменения, внесенные Франсуа, и которые расцениваются стариком Шудлером (в силу его консерватизма и властолюбия) как нелепые, ошибочные, что и вызывает иронию отца по отношению к поступкам сына:

nous serions dans de beaux draps si j'avais suivi François!... (M. Druon. *Les grandes familles*, 262).

Насмешливо звучит оборот „faire tapisserie“ в его переносном значении, которое Е. Прадез¹⁹ формулирует как „*expression consacrée aux dames qui, dans un bal, restent sur leur chaise faute de cavaliers*“.

В нижеследующем примере говорящий желает подчеркнуть свою снисходительную иронию, поскольку девушки, которых не приглашают танцевать, все время стоят у стены, как бы подпирая её:

Nombre de filles qui font tapisserie. Elles feraient mieux rester chez elles (Marie Claire, N 59, 1959, 97).

Анализ приведенных примеров свидетельствует о том, что наличие оценочного содержания в указанных примерах является не следствием стилистической характеристики оборотов, а выражается посредством их лексического содержания или образности. Следовательно, эмоциональность становится постоянным элементом лексического содержания языковых единиц, т. е. эмоциональная окраска им присуща всегда, и вне контекста.

Таким образом, эмоциональность, обусловленная лексическими свойствами или образностью языковых единиц, как бы изначально присуща самим словам, потому что она неотъемлема от их значения и является постоянным его компонентом. III. Балли обозначает такого рода эмоциональность термином „Собственно эмоциональная окраска“.

II. Эмоциональность, обусловленная функционально-стилевым разграниченностью языковых единиц

Языковые единицы, относящиеся к определенному функциональному стилю, далеко не всегда носят оценочный характер. Так, например, „*faire un somme*“ (вздремнуть, уснуть), несмотря на свою принадлежность к разговорному стилю, не содержит никаких эмоциональных оттенков. Оборот „*passer à tabac*“ (арго) — „избить, отколотить кого-л.“ (когда полицейские расправляются с арестованными) является также нейтральным в эмоциональ-

¹⁷ Larousse du XX-me s., Paris, 1931.

¹⁸ Следует отметить, что в подобных оборотах прилагательное не является самостоятельным определением, а всегда сопровождает именной компонент образования и составляет вместе с ним нераздельное лексическое единство. Таким образом, ирония выражается в данном обороте посредством его лексического содержания в целом.

¹⁹ El. Pradez, *Dictionnaire des gallicismes*, Paris, 1933.

ном отношении. Также не обладают эмоциональностью, несмотря на их принадлежность к разным функциональным стилям, такие обороты, как „perdre la boule“ (разг.) со значением „потерять голову, растеряться“, „avoir de la veine“ (разг.) в значении „иметь счастье, везет“, „être dans le coup“ (разг.) со значением „быть в курсе дела, быть осведомленным“ и т. д. и т. п. Подобные обороты сводятся лишь к их отступлению от стилистически нейтральных в сторону „возвышенности“ или „сниженности“.

С другой стороны, эмоциональная окраска слова может быть связана с принадлежностью языковой единицы к тому или иному функциональному стилю. Фразеологические единицы, принадлежащие к разговорной, просторечной или арготической лексике часто включают оттенки презрения, пренебрежительности, осуждения, иронии, конизма и т. п. Так, например, оборот „faire dodo“ со значением „спать“ предполагает нежность, ласку, вызванную его принадлежностью к особому функциональному стилю („речь детей и няnek“):

...mais comme elle fait dodo ou semblant, c'est lui qui se lève... (France Nouvelle, N752, 1960, 6).

Иногда фразеологические обороты, относящиеся к просторечию и аргю, имеют оттенок грубости; вызывающий в свою очередь отрицательную оценку. Это можно проследить на следующем примере:

— A propos de Sainte-Assise, tu sais qu'on en parle de nouveau? Où ça? — Dans les journaux... — Qui? — Rémy. — Qu'est-ce que c'est que ce gars-là? — Tu n'a pas entendu parler du colonel Rémy? Un organisateur de réseaux gaulistes... Et qu'est-ce qu'il a dit sur Sainte-Assise? — Il prétend que c'est un bluff...

— Et bien, merde, dit Raymond en reposant le journal. Il a du culot, celui-là (J. Laffitte. Nous retournerons cueillir les jonquilles, 133).

В примере описывается встреча участников сопротивления после войны. Реймон прибегает к просторечному обороту „avoir du culot“ (быть наглым, самоуверенным) для выражения своего возмущения и пренебрежения к некоему полковнику Реми, отрицающему, что Сент-Ассизская радиостанция была взорвана подпольной группой „Вальми“.

Из сказанного следует, что эмоциональность, обусловленная функционально-стилевой разграниченностью языковых единиц, является также постоянным компонентом лексического значения языковых единиц.

III. Эмоциональность, обусловленная контекстуальным употреблением языковых единиц

Этот вид эмоциональности создается вследствие употребления языковых единиц в несвойственной им лексической среде или стиле речи. Эмоциональная окраска в таком случае появляется обычно тогда, когда языковый элемент используется в неподходящем, непривычном для него контексте или стиле речи, а также, когда образ, лежащий в основе языковой единицы, не соответствует контексту, ситуации, в которых она употребляется. В таких случаях слово может вне контекста быть лишено эмоционального содержания, однако приобрести его в речи, в контексте. Так, например, в прилагательном

„joli“ едва ли наличествует какой бы то ни было эмоциональный оттенок; однако, несмотря на то, что это слово является в эмоциональном отношении нейтральным, оно может в некоторых случаях, в результате его применения в определенном контексте, стать эмоционально окрашенным. Так, когда мелкий чиновник Буавен (один из персонажей произведений Мопассана) приглашает своего приятеля Мюжила, ненавидящего деревню, к себе в предместье Парижа и говорит (чтобы уговорить его) „viens donc, tu verras la jolie promenade que nous ferons“, то слово „jolie“ тут окрашивается эмоцией восхищения предстоящей прогулкой, привязанности Буавена к своему углу. Прилагательное „jolie“ выступает в данном случае в качестве эмоционального эпитета.

Оборот „rendre l'âme“ в значении „умереть, испустить дух“ принадлежит к торжественному стилю и поэтому выражает чувство благовеинного трепета по отношению к смерти: „Rendre l'âme (à Dieu) fait appel à un sentiment religieux, revêt une certaine solennité“, как выражается М. Кресо²⁰).

Например:

... on bassina le lit, on y coucha le malade, qui semblait près de rendre l'âme (R. Rolland. Jean-Christophe, I, 419).

Но нижеследующий пример доказывает, что тот же оборот, помещенный в другую лексическую среду, лишенную торжественности и религиозного чувства, получает ироническую окраску:

Malgré ses soins et ceux de son ami, un vétérinaire qui s'était enrichi en soignant les innombrables clients, l'infortuné Alfred **rendit son âme** au dieu des singes (C. Vautel. Madame ne veut pas d'enfants, 186).

В контексте говорится о „смерти“ обезьяны (Альфред), которая „воспитывалась“ бездетной четой, считавшей её своим ребенком; её боготворили, души в ней не чаяли, обхаживали и дрожали над её жизнью. Вот почему автор, употребив „rendre l'âme“ по отношению к смерти животного, подчеркивает свое ироническое отношение к этому факту. Ирония переплетается в указанном случае с насмешкой, вызванной тем, что оборот, принадлежащий к возвышенному стилю, применяется в непривычной для него лексической среде, а также из-за несоответствия его образа с данной ситуацией.

Контекстуально-оценочная характеристика может быть свойственна обороту „être sous les armes“ (быть вооруженным):

La comtesse entraîna son amie au magasin de „La petite Jeannette“, où elles choisirent une robe et une écharpe. Quand ces munitions furent employées et que la veuve fut **sous les armes**, elle ressembla parfaitement à l'enseigne du „Bœuf à la Mode“ (H. de Balzac. Le père Goriot, 23).

Вдова Вокэ, решившая любой ценой женить старика Горно на себе, следует советам княгини, считающей, что её внешний облик и манера одеваться могут быть помехой такому замыслу; поэтому она отправляется в магазин для приобретения новых туалетов. Автор, желая выразить свое насмешли-

²⁰ M. Cressot, *Le style et ses techniques*, Paris, 1947, p. 42–47.

во-презрительное отношение к тому, что г-жа Вокэ как бы вооружается к предстоящей войне (отца Горио нелегко будет уговорить на подобный шаг), употребляет указанный оборот в совершенно непривычном для него контексте и тем самым вносит оценочный момент, не характерный для этого фразеологизма вне данного контекста.

Обращает на себя внимание весьма своеобразное употребление оборота „faire une promenade“ (совершить прогулку, прогуляться) в следующем контексте:

l'homme qu'on vient de capturer, de torturer et qu'on emmène faire une promenade en jeep dans la brousse au cours de laquelle on l'abat comme un chien... (L'Humanité, 19.I.1960, 2).

Оборот „faire une promenade“ наполняется эмоцией возмущения к тем „прогулкам“, которые должны были совершать заключенные фашистских концентрационных лагерей перед тем, как их убивали.

Оборот „ficher le camp“, принадлежащий к фамильярному стилю, может приобрести эмоциональный оттенок насмешливости не из-за его принадлежности к указанному стилю, а из-за сего использования в таком контексте, в котором его применение является слишком фамильярным, в чем убедимся из нижеследующего примера:

Le peuple soviétique, apprenez-le, bonnes gens, est d'une passivité a toute épreuve. Au reste, la princesse n'aurait pas eu a ficher le camp précipitamment si ce peuple avait été aussi passif qu'elle le dit (L'Humanité, 26.III.1958, 1).

В этом контексте идёт речь о княгине царской России, которая во время Октябрьской революции „удрала“ в Париж, где она по сей день распространяет слухи о пассивности советского народа. В связи с этим автор статьи замечает, что если в самом деле советские люди были бы такими пассивными, то у княгини не было бы никакой необходимости удирать (т. е., если советский народ не был бы активным, Октябрьская революция не была бы осуществлена).

Автор, желая подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к этим слухам, выбрал именно эту фразеологическую единицу, которую употребил непривычным ей стиле речи. По этой же причине возникает также и насмешка в настоящем контексте. Насмешка тут появляется не в связи с принадлежностью оборота к фамильярному стилю (взятый изолированно или в другом контексте он не был бы иронически-насмешливым), но из-за его применения в несвойственном ему стиле речи.

Из сказанного следует, что в каждом отдельном случае появление оценочного момента может быть контекстуально обусловлено вследствие своеобразия ситуации или новой образной направленности. В этом случае эмоциональность несвойственна общеязыковому значению, не характеризует данной языковой единицы вообще.

Итак, эмоциональность, вызванная контекстуальной обусловленностью языковых единиц не является постоянным компонентом их лексического значения.

Резюмируя, следует констатировать, что факторы, обуславливающие эмоциональность языковых единиц (лексические свойства или образность, функционально-стилевая разграниченность, контекстуальное употребление) и предопределяют отдельные типы эмоциональности и её специфику.

Vilniaus Valstybinis pedagoginis
institutas
Anglų kalbos katedra

Įteikta
1966 m. rugsėjo mėn.

EMOCIONALUMO KLAUSIMU

E. ZIBUCAITĖ

Reziუმė

Lingvistikoje dažnai sutapatinama ekspresyvumas ir emocionalumas. Tuo tarpu šios sąvokos skirtingos.

Ekspresyvumas – tai išraiškingumas, kuris pagražina kalbą, padaro ją vaizdingesnę, spalvingesnę, sodresnę.

Emocionalumas, atvirkščiai, – tai kalbančiojo asmens sugebėjimas perteikti savo jausmus, savo išgyvenimus, perduoti savo požiūrį į realią tikrovę.

Emocionaliniais žodžiais straipsnyje siūloma laikyti tik tuos, kurie išreiškia tam tikrą kalbančiųjų įvertinimą, jų jausmus bei išgyvenimus, o ne tokius žodžius kurie nusako tik jausmo sąvoką (t. y. „tam tikrų psichinių procesų logines kategorijas“, kaip nurodo V. Zvegincevas), pavyzdžiui, „mirtis“, „niekšybė“, „meilė“ ir pan.

Šalia nurodytos problemos straipsnyje keliamas taip pat klausimas apie žodžio emocionalinio atspalvio įtraukimą į jo leksinės reikšmės sudėtį.

Nustatyta, kad kalbinių vienetų emocionalumą apsprendžia žodžių leksinės savybės arba vaizdingumas, jų funkcionalinė-stilistinė charakteristika ir jų kontekstualinis pavartojimas. Prieinama išvada, kad pirmais dviem atvejais emocionalumas yra pastovus žodžių leksinės reikšmės elementas, o trečiuoju atveju emocionalinis atspalvis pasireiškia tik kontekste, pavartojus kalbinį reiškinį neįprastose jam leksikinėje aplinkoje arba neatitinkamame funkcionaliniame stiliuje.